

Глава 1

Трое суток назад.

Неизвестный сектор на границе Содружества.

Научно-исследовательская станция

Старик в кресле, сидящий спиной к имитации окна, изображающей какой-то ухоженный лесной массив его родного мира, представлял собой жалкое и одновременно страшное зрелище.

Сухая пергаментная кожа, сморщенное морщинистое лицо, впалые щеки, обескровленные губы и яростный злой взгляд загнанной в угол крысы на фоне ввалившихся глазниц.

Он молча держал в руках результаты своего последнего обследования, которые ему только что выдал его собственный ассистент.

— Профессор Рокена, — тихо обратился к нему молодой помощник, что сейчас стоял возле стола, — вы понимаете, что она вас убивает? Жить вам осталось не больше двух-трех суток. Профессор...

И молодой парень постарался произнести еще что-то, но его прервали.

— Не рассказывай мне прописные истины, — раздался сухой и скрипучий голос, и на аграфа, выглядящего сущим мальчишкой, посмотрел его старший соотечественник.

Да, именно так.

Старик, сидящий в кресле, и сам еще месяц назад был пышущим здоровьем и силой аграфом, с красотой и гордостью, надменностью и высокомерием одного из лучших умов Содружества. Но это было тогда, не сейчас.

— Я знал, на что шел, — негромко даже не сказал, а процедил сквозь зубы он. И, сжав кулак, разломил переданную ему пластиковую карточку с силой, которую нельзя было подозревать в его сухом и немощном теле, жизнь в котором поддерживали лишь его маниакальное желание подольше протянуть на этом свете да опаснейшие нелегальные препараты, которые ему приходилось доставать через знакомый пиратский клан.

— Еще когда мы попытались продублировать в моем мозгу нейросвязи из нашего последнего эксперимента, я понял, какую ошибку мы совершили при расчетах.

И он в сердцах стукнул кулаком по поверхности стола.

— Но я надеялся на то, — слегка успокоившись, продолжил, казалось бы, про себя рассуждать профессор, — что мы сможем адаптировать структуру за оставшееся время.

— Да, — кивнул его помощник, — и у вас это практически получилось.

После чего молодой аграф отвел глаза в сторону, пряча не слишком уместную сейчас усмешку, промелькнувшую на его лице.

— Да, — закашлялся старик, смотря на него, — почти... — А потом еще тише добавил: — Но этого почти оказалось мало... — И профессор Рокена уставился на свою сморщенную ладонь. Перестав замечать стоящего напротив него помощника, произнес, будто озвучивая свои мысли и рассуждения вслух:

— Нельзя было совмещать настолько антагонистичные сущности в одном проекте. Логически стройную по своей внутренней наполненности нейросеть агарского тактического вычислителя. Полностью выходящую за рамки нормального поведения сущность дикаря-маньяка, убившего не одну тысячу людей, вытащенного нами из тюрьмы особого режима. И как последнюю каплю, мы дополнили этот коктейль нейроособенностями мозга сполота и нейросвязями, выстроенными на основе мумии Древнего, найденной нами в последнюю экспедицию.

— Профессор, — тихонько напомнил его помощник, опасаясь внезапной вспышки гнева, — вы забыли о самом главном, той странной нейроструктуре, что была добавлена на последнем этапе.

Старик, вернее профессор Рокена, хотя в эти дни его именовали больше как раз «стариком», был в последнее время очень раздражителен и мгновенно выходил из себя. Но в этот раз вспышки гнева не последовало.

— Да, — лишь протянул профессор, — только вот именно она и давала наибольшую перспективу развития при своем внедрении.

Никто не знал, что за существо было найдено замурованным или, скорее, вплавленным в глыбу метеорита, чей возраст датировался несколькими сотнями миллионов лет. И так выходило, что это ископаемое было значительно, неимоверно старше той эпохи, когда космическое пространство этой вселенной бороздили корабли Древних.

Позднее, благодаря спектральному моделированию, Рокена со своей командой специалистов уже тут, в лаборатории на станции, смог восстановить структуру мозга найденного существа. И именно благодаря воссозданной модели они выяснили, что это существо было разумным.

Но что еще более важно и невероятно, строение его мозга оказалось полностью совместимо по своим нейронным связям и нитям со структурой мозга любого из потомков Древних, будь то люди, аграфы, сполоты, креаты или любая другая раса, относящаяся к роду людей. Этот последний факт и позволил вплести дополнительный набор нейросвязей в их экспериментальную структуру нейросети. И по предварительному прогнозу она должна была стать еще более стабильной, благодаря внедрению последнего сегмента.

Этот факт вселил надежду в благополучный исход их многолетних экспериментов и изысканий.

Последующая цепочка опытов и экспериментов, по крайней мере за те несколько сотен раз, когда нейрокон-

струкцию внедрили подопытному материалу, подтвердила это.

И они поверили в свою победу.

А после был триумфальный эксперимент, который должен был возвести профессора Рокену в ранг героев империи Аграф и ее научную элиту, сделать его ученым-первооткрывателем, готовым пожертвовать собой ради величия Империи. Как это красиво и гордо звучало в мыслях тогда еще пышущего здоровьем и амбициями относительно молодого профессора, руководителя этого научного института.

Только вот эксперимент завершился огромнейшим фиаско. Как оказалось, они не учли такую малость, как не просто сам факт удачного внедрения и стабилизации структуры, но и длительность ее адаптации, которая значительно превышала стандартное значение, принятое при подобном расчете для всех остальных нейросетей. Но что еще более важно, многократно возросшая длительность адаптационного периода нейросети, особенно на последнем ее этапе, потребовала невероятного объема ментальной энергии для ее собственной настройки под реципиента. И вызвано это было предположительно внедрением инородного фрагмента, взятого у неизвестного ископаемого, который как раз и проходил адаптацию на последнем шаге настройки нейросети.

Именно этот никак не завершившийся сейчас процесс и высасывал саму жизнь из профессора, превратив цветущего и полного сил аграфа в иссушенную мумию древнего старика.

И все это произошло потому, что раньше, в ходе экспериментов, изъятие нейросети проводили до перехода адаптации к последнему этапу. Как потом удалось выяснить, этому завершающему шагу предварительно способствовал некий период нормальной стабилизации и работы нейросети, и поэтому с подобной проблемой они до последнего момента просто не сталкивались. И уперлись в нее лишь при финальном внедрении экс-

периментального прототипа нейросети самому профессору.

И сразу такой результат.

Первоначальные этапы внедрения и адаптации у профессора прошли значительно быстрее, как благодаря его врожденному очень высокому интеллектуальному индексу, так и благодаря многократно превышающему среднему параметру уровня ментальной активности. Как следствие, последний этап адаптации нейросети им был достигнут значительно быстрее.

Вот тогда-то они и смогли точно вычислить проблему, с которой столкнулись.

Адаптация нейросети на своем последнем этапе самонастройки буквально как насос пожирала всю доступную реципиенту ментальную энергию.

Казалось бы, самое простое решение — это извлечение нейросети. Но тут сыграл фактор спешки.

Рокена так хотел отчитаться в успешном завершении работы и, главное, предоставить наглядные результаты, что не предусмотрел такого важного механизма, как откат внесенных изменений.

И это было хуже всего. Ведь прототип изначально не планировался как нейросеть для нормального использования, ну а впоследствии его просто не стали дорабатывать.

И как результат, у них получилась невероятно сложная и разветвленная структура нейросети, с уникальным материалом, используемым для ее создания, которая не позволяла провести ее штатное извлечение, и эта операция во всех случаях, при попытке сохранить рабочую целостность внедренной нейроконструкции, грозила реципиенту фатальными последствиями. Поэтому за все время ранее проводимых экспериментов этап извлечения нейросети не пережил ни один из испытуемых.

Как раз это и вынудило профессора и его сотрудников начать поиски другого решения, связанного с адап-

тационным периодом. И, как это ни странно, но оно уже было найдено.

Его ученые нашли случайно, просматривая результаты предыдущих экспериментальных внедрений и обратив внимание на параметры эксперимента у того самого мертвого сполота, нейроструктура мозга которого как раз и стала частью их экспериментальной конструкции нейросети.

Как оказалось, это и был тот действительно единственный раз, когда структура практически завершила свою самонастройку и установку.

Уже дальше, в результате анализа и моделирования процесса, они выяснили, что для завершения настройки нейросети и закрепления адаптации была необходима естественная и органично внедренная возможность получения ментальной энергии, как раз которая и присутствовала у живого сполота. Ведь их раса — это поголовно ментально активные существа.

Только вот для полностью удачного завершения процесса адаптации выполняться это должно было не только за счет самого реципиента и его внутреннего запаса ментальной энергии, но и за счет ее закачки из внешних источников или общего внешнего поглощения энергии, если она разлита в свободном виде.

Вот тогда-то они и пришли к решению, как реализовать подобную возможность.

На одной из планет с практически отсутствующим ментальным фоном была обнаружена местная форма эфирно-ментальной жизни, с которой ранее не приходилось сталкиваться. Очень опасная форма жизни, которую практически невозможно было уничтожить. Но им этого было не нужно, им всего-то и нужен был единственный экземпляр для проведения своих опытов и экспериментов.

И Рокене с большим трудом, но все-таки удалось за-получить одно такое существо.

Так вот, особенностью этой формой жизни была просто феноменальная, скорее даже нереальная способность

поглощения любого типа энергии, включая и ментальную, из окружающей среды. Еще одним плюсом данного существа было то, что благодаря простому ментальному строению его без особых сложностей можно преобразовать в симбиотическую сущность.

Вот именно приживление созданного симбиота и решило возникшую проблему. И это бы, возможно, спасло профессора, если бы не время. Симбиоту для его приживления требовались как минимум пять-шесть суток, которых у профессора Рокены не было.

— Иди, — махнул рукой старик, посмотрев на своего подчиненного, — вы ничем мне не поможете. Не маячь у меня перед глазами.

Стало понятно, что на профессора опять накатывает волна гнева и злости на весь мир, который ополчился против него. Ведь Рокена прекрасно понимал, кто станет его преемником после смерти и кому достанутся все лавры в связи с созданием столь уникальной нейросети, представленной совету Империи.

И этот аграф, такой же честолюбивый, как и он сам, сейчас развернулся и вышел из кабинета старика.

«Не дождешься», — только и подумал профессор и потянулся к столу, чтобы достать из него очередную порцию полунаркотиков-полустимуляторов, когда двери в его кабинет внезапно открылись.

*Трое суток назад. Неизвестный сектор
на границе Содружества. Научная станция.
Несколько минут спустя*

— Я же сказал, оставь меня, — и Рокена посмотрел в сторону входа. «Что ему еще нужно?» — подумал он.

Но как оказалось, сейчас к нему вошел вовсе не его помощник.

Вошедший, вообще-то, даже не был аграфом, что было несколько необычно. Ведь на этой исследовательской станции посторонних встретить было очень сложно. Но

посетитель являлся одним из немногих исключений. Это был человек. Невысокий, кряжистый. Незапоминающейся внешности.

Рокена не мог точно определиться ни с цветом его глаз, ни с цветом его волос.

«Вроде глаза серые», — это все, что смог вспомнить старик и то не был точно уверен в этом.

Всегда вооружен. Даже сейчас, хотя передвигаться у них по станции с оружием могла только охрана и сотрудники службы безопасности.

Как он появился на станции аграфов, никто сказать не мог, но однажды он просто вошел в кабинет профессора и предложил тому свои услуги. И появился он в прошлый раз очень вовремя.

Это именно тот самый человек, который и помог профессору выйти на главу клана пиратов, и уже в последующем через него они сумели достать практически весь необходимый материал для экспериментов. Того, что так им не хватало для завершения цикла исследований.

И это если забыть о тех запрещенных препаратах, что сейчас принимал сам Рокена. Но это были мелочи на фоне предыдущего пункта.

Человек просил называть его Крысоловом. И все. Больше о нем никакой информации они разыскать не смогли. Ее не было.

И вот сейчас именно он вошел в кабинет Рокены.

— Не сдох еще? — без особого почтения, подойдя к столу, за которым сидел старик, произнес вошедший вместо приветствия. После чего наклонился и положил перед профессором несколько упаковок. — Выжимка из плазмы крови ментально активных существ... — И видя удивленный взгляд Рокены, добавил: — Не спрашивай, у меня свои источники. Используй. Это даст тебе еще какое-то время.

Тот лишь молча кивнул и, протянув свою сухую руку, убрал пять небольших контейнеров к себе в стол.

— Что-нибудь придумали твои головастики? — И непонятный человек, со странным то ли именем, то ли кличкой Крысолов, кивнул в сторону двери.

— Нет, — угрюмо ответил ему профессор.

— Понятно, — протянул его собеседник и, посмотрев в глаза профессору, покрутил пальцем над головой, как бы обводя комнату вокруг.

Рокена сначала с вопросом во взгляде поглядел на него в ответ, а потом быстро сообразил, что же от него хочет человек, и достал из своего стола небольшую коробочку. Поставил ее на поверхность и, постаравшись разместить ее строго между ними, нажал на небольшую кнопку сверху. При этом стало заметно, что на верхней грани кнопки появилась капелька крови от проколотого пальца профессора.

— Теперь можно говорить, — сказал он, обращаясь к пришедшему человеку.

— Я понял, — спокойно кивнул в ответ Крысолов и сел в кресло, расположившись напротив старика. Немного помолчав и постаравшись что-то рассмотреть в глазах профессора, он неожиданно твердо произнес:

— Мы готовы тебе помочь. Но ты должен понимать, что все наши дальнейшие слова и действия пойдут вразрез с законами Содружества и твоей любимой Империи. И если мы с тобой сейчас не договоримся, то я встану, приставлю бластер к твоей голове, выстрелю и уйду.

Рокена, в общем-то, давно понял, что от своих соотечественников ему помощи ждать не придется. Его коллеги лишь сидят и ждут только момента его смерти, чтобы с чистой совестью извлечь нейросеть и продолжить изыскания. А потому он готов был ухватиться за любую возможность.

И профессору явно не просто так показалось, что Крысолов специально употребил в своей речи «мы»?

Рокена тяжелым взглядом посмотрел в сторону выхода из кабинета, потом усмехнулся.

Странным в речи сидящего напротив него человека была попытка угрожать тому, кто и так отбросит концы в ближайшие несколько дней. И тут однозначно вырисовывалось то, что Крысолов преследовал какую-то свою определенную цель.

«Моя нейросеть не должны была достаться никому, — сообразил Рокена, — кроме Крысолова и тех, на кого он работает. И он специально ждал момента, когда я сам буду готов принять любую помощь».

— Я тебя слушаю, — прямо посмотрев своему собеседнику в глаза, ответил старик. А потом ухмыльнулся и добавил: — Только, если это все же потребуется, постарайся не промазать и стреляй, увеличив мощность бластера на максимум.

Человек со вселенским спокойствием кивнул на эти его слова.

— Я учту это твое пожелание, — даже не сказал, а дал обещание он, после чего, немного помолчав, добавил: — У меня к тебе будет несколько вопросов, которые позволят нам прояснить ряд неясных моментов.

«Он точно выступает от чьего-то имени», — еще больше уверился аграф.

Между тем человек, сосредоточившись на разговоре с профессором, дождался его кивка, подтверждающего готовность начать вести диалог.

— Первое... — и Крысолов, вытащив небольшой планшет...

«Да это же разработка жуков, — удивленно подумал Рокена, — нам в свое время так и не передали ни одного из них, для экспериментов. А у него она есть. Откуда? После войны их могли получить только военные, и то не все. Доступ агарцев к технологиям архов ограничили сразу, как только выяснилась их связь с жуками перед войной. Значит, это не они. Но кто? На какое государство он работает? Чьи интересы он представляет?» — хоровод мыслей заметался в его голове.

После чего он окинул смотрящего в планшет человека оценивающим взглядом.

«А, похоже, появился он тут далеко не случайно. И Крысолов приготовился явно к разговору именно со мною».

Профессор взглянул на ту небольшую коробочку, что стояла на столе.

«Он знал о том, что у меня есть нейтрализатор, и о том, как он действует на все электронные и магические приборы. Правда, за исключением тех, что созданы жуками или на основе технологии Древних. Но артефакты последних достать еще сложнее, чем наследие войны с архами».

И профессор вновь обратил внимание на планшет в руках человека. Было уже понятно, что Крысолов далеко не тот, за кого его принимал ранее сам Рокена.

«К пиратам, по крайней мере простым, он никакого отношения не имеет, — решил он, — разве что к тем, кто их контролирует. Но это, как известно многим, агарцы. А я вроде решил, что это не могут быть они».

Между тем человек, что-то сверяя в своем планшете, задал какой-то вопрос. И теперь стало понятно, что через это устройство он получает какие-то указания и общается с кем-то.

— Ты сможешь повторить ваше изобретение? И что тебе для этого понадобится? — озвучил он свои первые вопросы.

Рокена лишь слегка пожал плечами и ответил.

— Структуру я могу восстановить полностью, за исключением оригинала последнего компонента. В этом случае не хватит материала для дополнительного построения аналогичной нейроконструкции. Все остальное вполне воспроизводимо в рамках любой специализированной лаборатории.

Крысолов несколько удивленно посмотрел на профессора, услышав его последние слова.

— Как же вы тогда хотели продублировать оригинал нейросети?